

Культура. — 2001. — 26 февр. — 3 марта. — с. 9

Гении? Юродивый?

Графика и живопись Анатолия Зверева в “Доме Нащокина”

Работа А. Зверева

Гений? Юродивый? Что явь, а что легенда, вымысел? Разброс противоположных мнений о художнике Анатолии Звереве широк и парадоксален. В зависимости от того, кто и как его видел, воспринимал его личность, такую противоречивую, странную, неудобную и во многом непонятную до сих пор. Мало кто осознавал, что несуразность его поведения в обществе не что иное, как вынужденная защита. Зверев любил людей, не мог жить без многочисленных друзей, приятелей, случайных и неслучайных знакомых, любящих и любимых женщин, но общество, устроенное по общепринятым меркам, он не

принимал. Считал, что упорядоченная, как у многих людей, жизнь и настоящее искусство несовместимы. Говорил так: “Истинное искусство должно быть свободным, хотя это и очень трудно, потому что жизнь — скованна”. В любом обществе и в любых условиях.

Но все разговоры о его беспутной жизни, множество небылиц и домыслов, которыми и по сей день окружена личность Анатолия Зверева, исчезают напрочь, когда на глаза попадает хотя бы один его, возможно, мимоходом сделанный набросок, несколько виртуозных, нервных, неистовых, страстных штрихов карандашом или кистью. В

них есть нечто врубелевское. Но сразу оговариваюсь, всякое сравнение неприменимо к нему, его нельзя ни с кем сопоставить, нельзя подогнать под какой-нибудь модный “изм” — Анатолий Зверев уникален, он — феномен.

Именно своей необычностью он потрясал опытейших художников и признанных знатоков искусства. Пабло Пикассо назвал Зверева “лучшим русским рисовальщиком”. Роберт Фальк писал: “Каждое прикосновение его кисти — сокровище. Художники такого масштаба рождаются раз в столетие... Я ценю Зверева как художника, но, поговорив с ним, я осознал, что его философский склад ума гораздо выше, чем его великий дар художника. Я изумлен его интеллектом”. А вот слова Георгия Костаки: “Зверев — первый русский экспрессионист XX века и посредник между ранним и поздним авангардом в русском искусстве. Я считаю этого замечательного художника одним из самых талантливых в России”. Выдающийся мексиканский художник Сикейрос, будучи председателем жюри на выставке, устроенной в рамках Всемирного фестиваля молодежи и студентов в Москве, потребовал дать Звереву высшую награду — Золотую медаль, а еще подарил ему мастихин.

Этот дар и кисть Анатолия Зверева сейчас представлены на выставке его графики и живописи, открытой в галерее “Дом Нащокина” и собранной из многих частных коллекций. Такой полной и разнообразной экспозиции давно уже не было. И, несомненно, она станет большим событием в художественной жизни Москвы.

Прекрасный пейзажист, увлеченный анималист, но прежде всего блестящий портретист. В изображении знакомых, известных людей и просто в многочисленных женских портретах, в репортерских набросках и блокнотных зарисовках, которые он делал везде, — Звереву нет равных. О его работах трудно писать, трудно давать им какую-либо привычную оценку, настолько они неожиданны, образны и даже... трогательны. Да, да, трогательны! Они рождают в душе множество чувств, переживаний и ассоциаций. А еще — грусть от самых, казалось бы, развеселых рисунков и портретов. Анатолий Зверев по существу своего творчества трагичен.

Но среди множества разнообразных, подчас парадоксальных открытий особо выделяются автопортреты Анатолия Зверева. Они словно приоткрывают некую загадочную завесу над его жизнью. Он пылливо, вопрошающе и страдальчески смотрит на нас — и потом еще долгое время невозможно забыть этот мудрый и печальный взгляд. Известный французский дирижер и композитор Игорь Маркевич подметил: “Только в автопортретах Ван Гога, как мне кажется, выявляется такой же настойчивый поиск сущности человека через познания самого себя”. Я еще добавил бы и “познания каждого посетителя выставки”.

Кстати, Игорь Маркевич сыграл большую роль в “узнавании” Анатолия Зверева. Именно он в 1965 году в парижской галерее “Мотте” устроил первую персональную выставку работ художника, которая прошла с триумфальным успехом. Затем последовали выставки в других странах мира — в Швейцарии, США, ФРГ, и везде их сопровождал громкий успех. Мир открыл нам Анатолия Зверева и легализовал его как истинного художника в нашей стране. А ведь доселе многие, даже некоторые его знакомые, считали его полусумасшедшим “бомжатником”, которого “за неуживчивость характера” изгнали из Художественного училища “Памяти 1905 года”. Больше Зверев нигде не учился, и, быть может, к лучшему.

Знал ли себе цену сам Анатолий Зверев? Конечно, знал, хотя направо и налево раздавал свои рисунки, продавал их за бесценок иностранцам. Но даже мимолетную свою “почеркушку” он непременно подписывал. Это уж от уважения к своему труду.

Как-то его спросили, считает ли он себя профессиональным художником. Он ответил: “Профессиональный абсолютно. Какой непрофессиональный художник смог бы так точно рисовать, как я? До меня не было художника, который, не глядя на натуру, так точно мог бы изобразить павлина. Я профессионал высшего качества, но не ремесленник”.

И настоящая выставка — убедительное тому подтверждение.

Евграф КОНЧИН